

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

2018-2019 УЧЕБНЫЙ ГОД

ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП

11 КЛАСС

Максимальное время выполнения заданий:

5 астрономических часов (300 мин.).

Максимальное количество набранных баллов: 100

1. Целостный (филологический) анализ эпического произведения

Выполните целостный анализ рассказа Натальи Ключаревой «Расцветали яблони и груши», обращая внимание на его *тему и идею, сюжет и композицию*, художественные *образы и приемы* их создания и др. особенности, значимые для выявления *авторской позиции*. Выскажите *свои мысли и чувства* по поводу центральной авторской идеи произведения. Выполните задание в форме *связного текста*, следите за *логичностью и ясностью* изложения собственных мыслей, а также за *речевой грамотностью*. Анализируя произведение, опирайтесь на известные Вам факты *истории и теории литературы*. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Наталья Ключарева

Расцветали яблони и груши

(из сборника рассказов «Звезды и люди»)

У подъезда за ночь народилась не лужа даже, а маленькое озерцо с чистой водой, под которой серел измочаленный, малохольный ледок. Бабка Катька остановилась на пороге, ткнула палкой — проверить глубину — но тут же забыла обо всем на свете, потянула носом и выдохнула: весна!

Весна оказалась в мире как-то вся сразу, в один присест: вчера еще ничто не предвещало, а сегодня — будто тут и была спокон века. Бабка Катька зашпешила на солнышко, улыкнула, забывшись, в лужу, взвизгнула и сиганула вперед, как девчонка.

— Эх, Катька-Раскатька, когда ж ты остепенишься? — усмехнулась бабка беззубым ртом и сощурилась в синее небо.

С высокой ели посыпались ей в задранное лицо чешуйки прошлогодних шишек. Две вороны вдруг сорвались с вершины, сцепившись и лупя друг друга крыльями. Только у самой земли они разлепились и разлетелись в разные стороны, негодующе каркая. Стая носилась вокруг и подбадривала забияк истошным граем.

— Ишь, клавики расквакались! — фыркнула бабка Катька. — Весна гуляет!

У придорожной вербы она остановилась и бережно подвела к глазам тугую ветку. В основании меховых почек уже забрезжили полупрозрачные зародыши будущих листьев. Бабка Катька быстро поцеловала ростки, провела скомканными губами по вербной шерстке. Упругая радость заколотилась внутри, сотрясая легкое изношенное тело, и бабка Катька запела от полноты сердца:

— Расцветали яблони и груши... — Голос у нее был молодой и сочный, как зеленая горошина в скрюченном сухом стручке.

На песню откуда-то из канавы выскочила черная жучка-подросток. Рот до ушей, хвост ходуном — закинула передние лапы на плечи, едва не уронив, забрызгала с ног до головы талой грязью.

— Кыш, кыш, чумазая! — отпихивалась бабка Катька, а жучка, думая, что с ней играют, напрыгивала опять и опять.

— Хорош балбесничать, петрушка! — прикрикнула бабка и погрозила клюкой.

Жучка усвистала в кусты, размахивая хвостом и собирая на бока старый репейник. Бабка Катька со скрипом согнулась, зачерпнула ладонью снег и принялась оттирать заляпанное пальто. Снег был кружевной, зернистый. Бабка вдруг вспомнила, как в детстве притащила в избу такую же корку весеннего сугроба, похожую на хрустальную подвеску, — мамке в подарок — и положила на самое почетное место.

— Мамка-то пришла, а по перине — лужа растекается! Эка мне и влетело! — весело сообщила бабка Катька желтым мать-и-мачехам, вылупившимся на пригорке; дорога уходила вниз, вспыхивая гирляндами ручьев.

Бабку обогнали шумные школьники с ранцами. Весна переполняла их, выплескивалась через край избытком силы, так что мало было идти или бежать вприпрыжку, они на ходу еще и поднимали друг друга: ты меня сможешь? Ну-ка, а я тебя.

Вихрастый Колька Кнопин вдруг обернулся, подскочил к бабке, обхватил худыми ручонками и, поднатужившись, оторвал от земли.

— Силы небесные! — ахнула она, взлетая.

— Бабку Катьку поднял! Бабку Катьку поднял! — загалдели мальчишки. — Дай мне! Я тоже!

— Бабочка! — завопил вдруг Колька и понесся за первой в году капустницей; ватага ринулась следом, тут же забыв про бабку.

Отдышавшись, она двинулась дальше. За поворотом, на пяточке сухой травы, школьники постарше ходили на руках.

— Вона! Акробаты! — опасливо подивилась бабка Катька, на всякий случай переходя на другую сторону дороги.

На остановке перебирал ногами пьяница из соседней деревни. Рядом стояла девочка в шапке с помпоном и четко, как у доски, рассказывала:

— Родители подарили мальчику черный фонарь с призраками. Мальчик долго боялся его включить...

Подъехала переполненная маршрутка, пьяный рванул, потерял равновесие и уперся лбом в желтый бок “газели”. Девочка тут же очутилась рядом и невозмутимо продолжила:

— А когда он его все-таки включил, призраки вышли и задушили его! Как ты не понимаешь, папа! Они обиделись, что он их долго не выпускал на волю!

Пьяница с дочкой кое-как вскарабкались в салон и укатили. Бабка Катька осталась дожидаться автобуса. В “газелях” она не ездила: все водители, чтобы не продавать старухам положенных льготных билетов, отломали нижние ступеньки, так что забраться внутрь могли только молодые.

Автобус подвез бабку Катьку прямо к станции. До электрички оставалось четверть часа. Она прошла по платформе, заглядывая в урны, но все банки, конечно, уже выудила Клавка-скандалистка. Бабка Катька не любила ее еще с войны.

— Было дело, — заговорила она, обращаясь к воробьям, — принесла нелегкая к нам в санбат проверку, а в ней — Клавка. Уселась и давай дубасить кулаком по столу: “Я как молодой коммунист требую...” — грудь высокая, коса что бревно — просто оторви да брось какое-то!

А недавно бабка Катька и Клавка сцепились в собесе, как давешние вороны. Клавка, в которой от той молодой оторвы остался лишь дурной характер — высохшая, плешивая, — ни с того ни с сего вдруг развыступалась. Взялась доказывать, будто бабке Катьке не положено ветеранской прибавки. Так как она «ни одного немца сама не прикончила, всю войну судно протаскала с фекалией». Хорошо, девчата собесовские тогда их растащили. «Всего две, —

говорят, — ветеранки у нас осталось во всем районе, а шумите как целый полк — стыда не оберешься!»

Тут бабка Катька услышала пронзительный Клавкин голос. Та поднималась с другой стороны платформы и кричала низкорослому мужчине с сияющими залысинами:

— Кто хорошо живет?! Коты да попы! А я вам говорю, религия — мракобесие! Все это выдумал человек! Во имя другого, будущего, человека!

“Проповедует”, — неприязненно подумала бабка Катька и решила Клавку позлить.

Подошла и брякнула:

— Слышь, Клавка, а я-то вчера на церкву лазила.

Клавка аж язык от злости проглотила, только глаза из орбит выпучила, того и гляди, на рельсы попадают, а бабка Катька, как ни в чем не бывало дальше болтает:

— Как только благовестник-то появился, я себе зарок дала: хоть раз в него дрынку! А как первый раз дрыкнула, так и аппетит разыгрался. Быстренько наловчилась!

Не успела Клавка ничего ответить, подъехала электричка. Бабка Катька, довольная, запрыгнула в вагон и села с солнечной стороны у окошка.

На соседней скамейке полулежал, икая, пьяный безбородый старичок, похожий на морщинистого мальчишку. А прямо напротив бабки Катьки сидел молодой таджик.

— Скажи, друг, — пробормотал старичок, когда электричка тронулась, — а как по-твоему, я сильно напился?

— Нет, совсем нет, — застенчиво улыбнулся таджик.

— Чё, неужто незаметно? — оживился пьяный и попытался выпрямиться. — Чё, даже запаха нету?

— Нет-нет.

Некоторое время пьяный удовлетворенно молчал, а из вывернутого кармана сыпались на пол семечки и мелочь.

— Хороший ты человек, — сказал он вдруг, когда бабка Катька уже про него забыла. — Хоть и врешь как сволочь!

Поезд начал сбавлять ход, и пьяный поплелся к двери. На платформе под капелью стояло новенькое алюминиевое ведро. Ветер сдувал капли в сторону, будто отворачивал золотой занавес. Бабка Катька вытянула шею. Конечно! Она и не сомневалась: старичок споткнулся и упал, ведро покатилося...

В вагоне возник какой-то шум. Бабка обернулась как раз в тот момент, когда длинный подросток ухватился за полку прямо у нее над головой.

«Подтягиваться затеял!» — успела изумиться бабка Катька.

«Окно высадит!» — испугалась она, когда тот оттолкнулся и полетел вперед, задирая кривые ноги в огромных ботинках.

Но ботинки ударили не в окно, а в лицо таджика.

«Доигрался, ирод!» — охнула бабка, все еще думая, что это он промазал и случайно попал, да так больно! — прямо по человеку.

Но тот ударил еще и еще раз. Таджик не отвечал, лишь закрывал голову руками.

В вагоне, полном людей, царило молчание, только гроыхали ботинки, и другие подростки, штук пять — бабка только сейчас их заметила — орали что-то хором, оскаливая зубы, как волки. У бывшего был вытянутый голый череп, похожий на синеватое яйцо из столовой. Ботинки мелькали прямо перед носом у бабки Катьки.

Ей стало страшно. Как на войне, когда немцы подходили так близко, что она могла их разглядеть. Она не боялась умереть. Этот страх был гораздо хуже: ей казалось, будто на нее движутся мертвецы, будто под круглыми касками — нечеловеческие лица... И от тошнотворного ужаса она инстинктивно сделала то, что всегда делала во время боя.

Бабка Катька запрыгнула на скамейку и на весь вагон запела отчаянным звонким голосом:

— Расцветали яблони и груши...

Яйцеголовый сбился с ритма и гавкнул:

— Заткнись!

Она сжалась, зажмурилась, и все отодвинулось куда-то, и осталось только одно: допеть, чтобы голос ни разу не дрогнул, чтобы *те* не догадались, как ей жутко.

— Отвали, старуха! — визжал яйцеголовый.

Но вокруг уже началось движение. Вскочили еще две пожилые женщины, моложе бабки Катьки лет на двадцать. Они несмело хватали парней за руки, и одна все время растерянно и по-детски восклицала:

— Не обижай его! Он же тебя не обидел!

Подросток перестал мелькать ботинками и только скалился. Появился даже один мужчина, правда, полный и в очках. Он подпрыгивал рядом с оскаленным и тоненько выкрикивал:

— Один на один! Один на один!

— С тобой, что ли?! — заржал яйцеголовый.

— Со мной, — не очень уверенно ответил мужчина.

Свора забулькала, загоготала. И двинулась в следующий вагон, пролаяв на прощание какой-то лозунг.

Все сразу ожили, будто отпустила заморозка. Мужчина в очках помогал бабке спуститься со скамейки.

— Он же тебя не обидел, — бессмысленно повторяла пожилая женщина, и было видно, что у нее дрожат не только губы, но и щеки.

Кто-то полез за валиدолом, кто-то заголосоил:

— Как не стыдно, молодежь, сидят, смотрят!

Несколько молодых парней забасили в ответ:

— Вы знаете, что они с нашими вытворяют?

Две девушки, темненькая и светленькая, одновременно бросились в разные концы вагона к кнопкам вызова милиции.

Только таджик сидел, не шевелясь, и по-прежнему закрывал голову руками. По пальцам его стекала кровь.

— Сынок, — начала бабка Катька.

Поезд затормозил, таджик вскочил и побежал к выходу, не отрывая от лица ладоней.

— Прости нас, — сказала она ему вслед, и вагон поплыл перед глазами.

Всю оставшуюся дорогу до Москвы она проплакала, отвернувшись к окошку. Слезы текли за воротник, и ей становилось зябко.

В Москве бабка Катька попала в толчею и успокоилась, потерявшись. Привычно прошмыгнула за чьей-то спиной в метро. В переходе остановилась, где всегда, под плакатом «Меха-дубленки». Оперлась одной рукой о мрамор, другую протянула в толпу и запела:

— Расцветали яблони и груши...

Тут же вкрадчивый голос — вечный враг бабки Катьки — включился над головой и зашипел, соблазняя:

— Фантастические скидки на ювелирные изделия...

«Значит, день будет никудышный», — думала бабка Катька, упрямо перекрикивая механического зазывалу:

— Поплыли туманы над рекой...

Тут кто-то положил ей в ладонь.

— Выходила на берег Катюша...

«Пятачок! — обрадовалась бабка Катька, это была ее любимая монета. — А может, и ничего, день-то — еще наладится...»

— На высокий берег на крутой...

Ключарева Наталья Львовна родилась в Перми, окончила филфак Ярославского государственного педагогического университета. Живет и работает в Москве. Финалист премии «Дебют» за 2002 год в номинации «Поэзия», лауреат премии имени Юрия Казакова за 2007 год.

30/18-го Марта 62 Париж Rue de Rivoli, 210

Любезнейший Федор Михайлович, мне нечего говорить Вам, до какой степени обрадовал меня Ваш отзыв об "Отцах и детях". - Тут дело не в удовлетворении самолюбия, а в удостоверении, что ты, стало быть, не ошибся и не совсем промахнулся - и труд не пропал даром. - Это было тем более важно для меня, что люди, которым я очень верю (я не говорю о Колбасине) серьезно советовали мне бросить мою работу в огонь - и еще на днях Писемский (но это между нами) писал мне, что лицо Базарова совершенно не удалось. - Как тут прикажете не усомниться и не сбиться с толку? - Автору трудно почувствовать тотчас, на сколько его мысль воплотилась - и верна ли она, и овладел ли он ею - и т. д. Он как в лесу, в своем собственном произведении.

Вы, наверно, сами это испытали не раз. - И потому еще раз спасибо. Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от изумленья - и удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не счел нужным вымолвить. - Дай бог, чтобы в этом сказалось не одно чуткое проникновение мастера, но и простое понимание читателя - то есть - дай бог, чтобы все увидали хотя часть того, что Вы увидели! Теперь я спокоен на счет участи моей повести: она сделала свое дело - и мне рассказывать нечего.

Вот еще Вам доказательство, до чего Вы освоились с этим типом: в свидании Аркадия с Базаровым, в том месте, где, по Вашим словам, недостает что-то, Базаров, рассказывая о дуэли, трунил над рыцарями, и Аркадий слушал его с тайным ужасом и т. д. - я выкинул это - и теперь сожалею: я вообще много перемарывал и переделывал под влиянием неблагоприятных отзывов - и от этого, может быть, и произошла копотливость, которую Вы заметили.

Я получил милое письмо от Майкова - и отвечу ему. Бранить будут меня сильно - но это надо переждать, как летний дождик. Очень было бы мне жаль, если б я не застал Вас в Петербурге. - Я выезжаю отсюда в конце здешнего апреля, т. е. через месяц. - Теперь я могу наверное Вам сказать, что я привезу Вам мою работу готовую - она не только сильно подвинулась, она приближается к концу. - В ней будет около 3 печатных листов. - Странная выходит штука. Это именно те «Призраки», из-за которых несколько лет тому назад поднялась у нас пря с Катковым - не знаю, помните ли Вы это. - Я было начал другую вещь - и вдруг схватился за эту и работал несколько дней с увлечением. - Теперь осталось дописать несколько страниц. Радуюсь успеху «Времени». Досадно, что Вы не можете устроить правильную высылку журнала. Я это говорю не только из личного интереса, я ведь скоро сам вернусь - но для Ваших же выгод. — «Русский Вестник» высылается сюда правильно. - (Впрочем, Февральского номера я еще не получал).

Еще раз крепко, крепко жму Вам руку и говорю Вам спасибо.
Передайте мой усердный поклон Вашей жене и будьте здоровы.
Преданный Вам Ив. Тургенев.

Копотливый – КОПОТЛИВЫЙ, копотливая, копотливое; копотлив, копотлива, копотливо (разг.). Медлительный, непроворный. Копотливый работник. | Требующий много времени для исполнения. Копотливая работа.

Пря – распря.